

Джуд Деверо

Незнакомец
под луной

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д25

Серия «мини-Очарование: Лучшее»

Jude Deveraux

STRANGER IN THE MOONLIGHT

Перевод с английского Т.А. Перцевой

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыши

Печатается с разрешения издательства Pocket Books,

a division of Simon & Schuster Inc.

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Деверо, Джуд.

Д25 Незнакомец под луной : [роман] / Джуд Деверо ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-104480-0

Ким Олдредж, процветающий ювелир, богата, известна... и одинока. В сущности, из всех мужчин по-настоящему ее сердце тронул лишь Трэвис Меррит, друг ее детских лет, который вдруг таинственно исчез, даже не попрощавшись.

Но однажды прошлое становится настоящим: Трэвис, теперь знаменитый адвокат, снова врывается в жизнь Ким.

Мальчик и девочка повзрослели. Неужели теперь они чужие друг другу? А может быть, настоящая любовь, рожденная однажды, не умирает никогда?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-104480-0

© Deveraux, Inc., 2012

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2017

Пролог

*Эдилин, Вирджиния
1993 год*

За все свои восемь лет Ким еще никогда не изнывала от скуки так, как сейчас. Она даже не подозревала, что такое бывает. Мать велела ей идти в большой сад, окружавший старый дом Эдилин-Мэнор, и играть, но что ей там делать одной?

Две недели назад отец увез брата на рыбалку в какой-то дальний штат.

— Мужское рабство, — назвала это мать, а потом добавила, что она не собирается оставаться одна в этом доме, да еще на целых четыре недели! В ту ночь Ким проснулась от громких голосов. Родителиссорились. Обычно они не скандалили, во всяком случае, при ней, и в мозгу сразу всплыло слово «развод». Она до смерти боялась жить без родителей.

Но утром они целовались, и все, похоже, было лучше некуда. Отец твердил, как хорошо жить в мире, а мать на него шикала.

В тот день она сказала Ким, что, пока отец и брат будут рыбачить, они переберутся в одну из квартир Эдилин-Мэнора. Ким это не понравилось, потому что она ненавидела старый дом. Слишком большой, и шаги от-

даются эхом. Кроме того, каждый раз, когда она бывала там, оказывалось, что мебели все меньше, а пустота становилась все более пугающей.

Отец объяснил, что мистер Бертран, старик, живший в доме, продавал фамильную мебель, вместо того чтобы устроиться на работу и зарабатывать себе на жизнь.

— Он бы продал дом, если бы мисс Эди позволила, — добавил он.

Мисс Эди была старшей сестрой мистера Бертрана. И хотя не жила с ним, все же была владелицей дома. Ким слышала от людей, что она так ненавидела брата, что отказывалась бывать в Эдилине.

Ким представить не могла, что кто-то способен не любить Эдилин, тем более что все, кого она знала, жили здесь. Ее отец был Олдреджем и происходил из одной из семи семей, основавших город. Ким знала, что это нечто такое, чем можно гордиться. И радовалась, что она не из той семьи, которой приходится жить в большом пугающем Эдилин-Мэноре.

Но теперь она и мать жили здесь целых две недели, и она умирала от скуки. Очень хотелось вернуться в свой дом и свою комнату. Когда они собирали вещи, мать сказала:

— Мы уезжаем ненадолго и недалеко, только за угол свернуть, так что совершенно ни к чему брать это.

«Это» были почти все вещи Ким: книги, игрушки, куклы, наборы ювелирных инструментов. Но мама, похоже, считала все это ненужным.

Ким все-таки успела схватить велосипед, подарок на день рождения, вцепилась в руль и, упрямо выдвинув подбородок, уставилась на мать.

Отец рассмеялся.

— Эллен, — сказал он жене, — я тысячу раз видел у тебя этот взгляд и могу заверить, что твоя дочь не отступит. По опыту знаю, что ты можешь кричать, угрожать, уговаривать, умолять, заклинать, плакать, но она не сдастся.

Мать, недобро прищурившись, взглянула на смеющегося мужа.

Тот сразу стал серьезным:

— Рид, как насчет того, чтобы пойти...

— Пойти? Куда, папа?

В свои семнадцать Рид был в восторге от собственной значимости. Подумать только, он уезжает с отцом! И никаких женщин! Только они вдвоем.

— Не важно. Лишь бы вовремя убраться, — пробормотал отец.

Ким взяла велосипед в Эдилин-Мэноре и три дня с него не слезала. Но теперь очень хотелось заняться чем-то еще. Ее кузина Сара как-то пришла в гости, но оказалось, что ей не терпится обшарить противный обшарпанный, кишевший крысами дом. Сара обожала старые здания!

Мистер Бертран вытащил из груды валявшихся на полу книг «Алису в Стране чудес». Мама сказала, что книжный шкаф он продал в Колониальный Вильямсбург.

— Подлинный восемнадцатый век и принадлежал семье свыше двухсот лет, — шипела она. — Какой позор! Бедная мисс Эди!

После этого Ким целыми днями читала об Алисе и ее путешествии сквозь кроличью нору. И так полюбила книгу, что заявила матери: она хочет иметь светлые волосы и голубое платье с белым передником. Мать ответила, что если отец Ким еще раз отправится на четыре

недели неизвестно куда, ее следующий ребенок вполне может оказаться блондином. Мистер Бертран сказал, что хотел бы целыми днями курить кальян, восседая на грибе, и изрекать мудрые вещи.

Взрослые стали смеяться: похоже, каждый находил другого весьма забавным.

Ким стало так противно, что она выскочила в сад и устроилась в развилке сучка любимой старой груши, чтобы спокойно почтать про Алису. Перечитала любимые страницы, и тут мать позвала ее на то, что мистер Бертран называл пятичасовым чаем. Он был странным стариком, очень слабым на вид, и отец говорил, что он мог бы снести яйцо на диване, потому что никогда с него не встает.

Ким знала, что в городе мало кто из мужчин любил мистера Бертрана, зато все женщины обожали. Бывали дни, когда сразу полдюжины женщин приходили к нему с вином, запеканкой или пирожными, и все громко смеялись. А при виде Ким все, как одна, говорили:

— Нужно было привести с собой...

И называли имена своих детей.

Но кто-то обязательно возражал, что неплохо бы побывать несколько часов в мире и покое.

Когда женщины придут в следующий раз, наверняка «забудут» привести детей.

Стоя за дверью и слушая, как взрослые закатываются смехом, Ким думала, что сами они ведут себя не слишком мирно и спокойно.

Прошло две недели с тех пор, как они жили здесь, и Ким как-то утром заметила, что мать непривычно взволнована. Вот только чем? Ночью случилось что-то. Что-то взрослое. Но Ким больше волновало то обсто-

ятельство, что «Алиса» куда-то пропала. У Ким была единственная книга, и вот теперь ее нигде нет!

Она спросила мать, куда девалась книга, потому что твердо знала: вечером «Алиса» лежала на журнальном столике.

— Вчера я отнесла ее...

Но тут зазвонил старый, висевший на стене телефон, и мать побежала взять трубку, после чего сразу же захотела.

Ким, досадливо вздохнув, вышла из дома. Похоже, жизнь с каждым часом становится все хуже.

Она попинала камешки, хмуро оглядела пустые цветочные клумбы и не спеша направилась к старой груше. Может, взобраться повыше, посидеть на ветке и подумать, чем занять бесконечные оставшиеся недели до возвращения отца, когда жизнь начнется снова?

Уже подходя к дереву, она вдруг остановилась как вкопанная. Незнакомый мальчик, младше ее брата, но старше самой Ким. Одетый в чистую рубашку с воротничком и темные брюки, он выглядел так, словно собрался в воскресную школу. И что всего хуже, сидел на ее дереве, читая ее книгу.

Темные волосы падали на лоб, но он был так погружен в ее книгу, что даже не поднял глаз, когда Ким пинком подняла облако пыли.

Интересно, кто он? И какое право имеет на ее дерево?

Ким не знала, кто или что, но знала одно: она хочет, чтобы этот незнакомый мальчишка убрался.

Она подняла ком грязи и со всех сил швырнула в него. Целилась в макушку, но попала в плечо. Комок разбился, и грязь посыпалась на ее книгу.

Он глянул на нее, сначала немного растерянно, но тут же взял себя в руки. И даже слова не сказал!

Красивый парнишка... не такой, как ее кузен Тристан, скорее как кукла, которую она видела в каталоге: розовая кожа и очень темные глаза.

— Это моя книга! — завопила она. — И мое дерево! У тебя нет на них права!

Она схватила еще один ком и бросила в него. И едва не попала в лицо, но мальчик слегка отклонился, и ком пролетел мимо.

У Ким был достаточный опыт в общении с парнями постарше, и она знала, что такое с рук не сойдет. Для того чтобы завести их, немного надо, но тогда тебе мало не покажется! Погонятся за тобой, поймают, заломят руки за спину или начнут дергать за волосы, пока не взмочишься о пощаде.

Увидев, что мальчик вроде собирается слезть, Ким со всех ног помчалась прочь. Может, она еще успеет добраться до того места, что считала классным укрытием? Успела! Втиснула тощее тельце между двумя горами старых кирпичей, согнулась в три погибели и стала ждать, когда появится мальчишка.

Прошло, казалось, не меньше часа, но он так и не показался, а ноги противно заныли. Ким осторожно и бесшумно выбралась наружу и оглянулась, ожидая, что он сейчас выскочит из-за дерева с криком: «Попалась!» — и станет бомбардировать ее комьями грязи.

Но ничего такого не случилось. Большой сад был также тих и спокоен, и мальчика нигде не было видно.

Она забежала за дерево. Еще подождала и прислушалась. Нырнула за другое дерево и опять подождала. Ничего. Прошло довольно много времени, прежде чем она вернулась к «своему» дереву, и то, что увидела, ошеломило ее.

На земле, как раз под ее веткой, стоял мальчик. Держал книгу под мышкой и, казалось, тоже ждал.

Неужели это новая мальчишечья хитрость, о которой она не слыхала? Может, так чужие мальчишки, те, кто не живет в Эдилине, поступают с девчонками, которые бросаются в них грязью? Если она подойдет ближе, он ей врежет?

Должно быть, она издала какой-то звук, потому что он обернулся и уставился на нее.

Ким заскочила за дерево, готовая защищаться от всего, что в нее полетит, но ничего не полетело. Через несколько секунд она решила, что не годится выглядеть напуганной кошкой, и выступила на открытое пространство.

Мальчик медленно направился к ней, и Ким подготовилась сорваться с места. Не стоит слишком близко подпускать мальчишек, в которых первая швыряешься землей. Они гордятся своими меткостью и проворством.

Ким затаила дыхание, когда он подошел на расстояние, не позволявшее ей удрать.

— Прости, что взял твою книгу, — тихо сказал он. — Мне одолжил ее мистер Бертран, а я не знал, что она чужая. И не знал, что это дерево твое. Прости, пожалуйста.

Потрясенная девочка потеряла дар речи. Мать говорила, что мужчины не знают значения слова «прости». Но этот знал.

Она взяла книгу, которую он ей протягивал. Мальчик повернулся и пошел к дому. Он был уже на полпути, когда она обрела способность говорить.

— Погоди! — крикнула Ким и изумилась, когда он остановился. Никто из кузенов никогда ее не слушался.

Она подошла к нему, крепко прижимая книгу к груди.

— Кто ты?

Если он назовется пришельцем с другой планеты, Ким не удивится.

— Трэвис... Меррит. Мы с мамой приехали поздно ночью. А ты кто?

— Кимберли Олдредж. Мы с мамой живем здесь, пока отец и брат рыбачат в Монтане.

Он кивнул, словно сказанное было очень важным.

— А мы будем жить здесь.

Он показал на квартиру на другом конце большого дома.

— Мой отец в Токио.

Ким никогда не слышала о таком месте.

— Ты живешь по соседству?

— Не в этом штате.

Она смотрела на него и думала, что он очень похож на куклу, потому что не улыбается и даже не слишком много двигается.

— Мне нравится книга, — заметил он. — Раньше мне не попадалось ничего подобного.

Ким по опыту знала, что мальчишки вообще ничего не читают сверх программы. Если не считать ее кузена Триса. Но он читал только о психах, так что это не считается.

— Что ты читаешь? — спросила она.

— Учебники.

Она ожидала, что Трэвис что-нибудь добавит к этому списку, но тот молчал.

— А что ты читаешь для развлечения?

Он слегка нахмурился.

— Предпочитаю научные книги.

— Вот как...

Похоже, он понял, что от него ждут большего.

— Отец говорит, что мое образование очень важно, а мой наставник...

— А кто это?

— Человек, который меня обучает.

— Вот как, — снова пробормотала она, хотя понятия не имела, о чем идет речь.

— Я учусь дома. Хожу в школу в доме моего отца, — пояснил он.

— Не слишком-то весело, — заметила Ким.

Впервые за это время он слегка улыбнулся.

— Могу удостоверить, что совсем невесело.

Ким не знала, что означает «удостоверить», но вполне могла догадаться.

— Я умею развлекаться, — сказала она самым что ни на есть взрослым голосом. — Хочешь, покажу как?

— Я бы очень этого хотел. Откуда начнем?

Она немного подумала:

— На заднем дворе большая куча земли. Я покажу, как на нее въезжать, а потом спускаться. Можно при этом вытянуть руки и ноги. Пойдем за велосипедом! — крикнула она и побежала.

Но оглянувшись, обнаружила, что его сзади нет. Она вернулась. Он стоял на месте.

— Боишься? — издевательски хмыкнула она.

— Не думаю, но я никогда не катался на велосипеде и считаю, что ты слишком мала, чтобы меня учить.

Ким не понравилось, что она «слишком мала», чтобы что-то делать. Теперь он вел себя, как обычный мальчишка.

— Никто не собирается учить тебя кататься на велосипеде. И меня никто не учил, — бросила она, зная, что лжет. Отец несколько дней поддерживал велосипед, пока она не научилась сохранять равновесие.

— Ладно, — серьезно ответил он. — Попытаюсь.

Велосипед был слишком мал для него, и едва сев, он тут же свалился лицом вниз. Вскочил, выплевывая грязь, под взглядом Ким. Неужели он маменькин сынок и сейчас побежит жаловаться на нее?

Но он вытер рот рукавом и растянул рот до ушей в широкой улыбке.

— Ура! — завопил он и снова полез на велосипед.

К обеду он объезжал земляной холм быстрее, чем когда-либо осмеливалась Ким, и то и дело задирал переднее колесо, словно собирался прыгнуть через препятствие.

— Ну как я? — спросил он Ким, вихрем скатившись с земляного холма и остановившись перед ней.

Теперь он совсем не походил на того мальчика, которого она впервые увидела утром. Рубашка порвалась на плече, а сам он был покрыт грязью с головы до ног. На щеке расцвел синяк: это Трэвис едва не столкнулся с деревом, но, вовремя свернув влево, задел за кору. Даже зубы были черными.

Прежде чем Ким успела ответить, он оглянулся и застыл, превратившись в подобие куклы.

— Мама!

Ким повернулась и увидела маленькую женщину, довольно хорошенькую, какими бывают матери на картинках, но вместо румянца, как у Трэвиса, щеки ее покрывала смертельная бледность. Она походила на стертую, выцветшую, более старую копию сына.

Не говоря ни слова, она встала между детьми и медленно оглядела Трэвиса с головы до ног.

Ким затаила дыхание. Если женщина пожалуется матери на то, что из-за нее испачкался Трэвис, Ким накажут.

— Ты научила его кататься на велосипеде? — спросила женщина.

Трэвис загородил собой Ким.

— Мама, она всего лишь маленькая девочка. Я сам научился. Сейчас пойду умоюсь.

Он шагнул к дому.

— Нет! — воскликнула миссис Меррит. Трэвис оглянулся на нее. Она подошла к нему и обняла.

— Ты никогда еще не выглядел лучше!

Она поцеловала его в щеку. Улыбнулась, вытерла грязь с губ и повернулась к Ким:

— Вы, молодая леди... — начала она, но осеклась, на-гнулась и обняла Ким. — Ты чудесный ребенок. Спасибо!

Ким ошеломленно смотрела на женщину.

— Играйте, дети. Что, если я принесу вам обед сюда? Устроите пикник? Любишь шоколадный торт?

— Да, — кивнула Ким.

Миссис Меррит шагнула к дому, но Ким крикнула ей в спину:

— Ему нужен свой велосипед.

Миссис Меррит оглянулась, и Ким окаменела от страха. Она впервые приказывала взрослым.

— Он... — ужетише сказала она. — Мой велосипед слишком ему мал. Ноги волочатся.

— А что еще ему нужно? — вдруг спросила миссис Меррит.

— Бейсбольный мяч и бита, — заявил Трэвис.

— И ходуля пого, — добавила Ким. — И...

Она прикусила язык, потому что миссис Меррит подняла руку.

— У меня не так много денег, но посмотрим, что можно сделать.

Она вошла в дом, но вскоре вернулась и принесла сандвичи и лимонад, а позже — и два больших куска свежеиспеченного шоколадного торта. К этому времени Трэвис в совершенстве постиг езду на заднем колесе, и она наблюдала за ним со смесью ужаса и благоговения.

— Кто бы мог подумать, что ты прирожденный атлет, Трэвис, — ахнула она, перед тем как уйти.

В начале вечера Ким услышала голос дяди Бенджамина, отца кузена Рамзи.

— Хо-хо-хо! — прогремел он. — Кто заказывал Рождество в июле?

— Мы! — взвизгнула Ким, и Трэвис побежал за ней к большому минивэну дяди.

Дядя Бен выкатил из задней дверцы большой сверкающий голубой велосипед.

— Мне велено передать это самому грязному мальчишке в Эдилине. Думаю, это ты.

Трэвис ухмыльнулся. Его зубы по-прежнему были черными, а в волосах застряла глина.

— Это мне?

— От твоей матери, — пояснил дядя Бен и кивнул в сторону входной двери.

На крыльце стояла миссис Меррит, и Ким, конечно, не была уверена, но выглядела она так, словно плакала. Впрочем, этого просто быть не может! Для любого человека велосипед — повод посмеяться, а не поплакать.

Трэвис подбежал к матери и обнял ее за талию.

Ким в изумлении смотрела на него. Ни один ее знакомый двенадцатилетний мальчик никогда ничего подобного не сделает. Какой стыд: обнимать маму в присутствии других людей!

— Славный парень, — пробормотал Бен. Ким повернулась к нему.

— Не говори матери, но я заходил к вам в дом и устроил небольшую уборку.

Он снова открыл заднюю дверь машины, и Ким заглянула внутрь. Там лежало пять ее любимых книг, кукла, набор ювелирных инструментов и на самом дне — прыгалка!

— Прости, никаких ходуль, но я привез одну из старых бит Рама и несколько мячей.

— Ой, спасибо, дядя Бен! — выдохнула она и по примеру Трэвиса обняла его.

— Знай я, что придется это везти, заодно купил бы тебе пони.

Глаза Ким превратились в блюдца.

— Не говори маме, что я сказал тебе такое, иначе она с меня шкуру сдерет.

Трэвис отошел от матери и молча любовался велосипедом.

— Как, по-твоему, сможешь на нем ездить? — спросил дядя Бен. — Или осилил только детский велосипед?

— Бенджамина! — укоризненно воскликнула мать Ким, вышедшая посмотреть, что происходит. Мистер Бертран по-прежнему был в доме. Насколько было известно всему городу, он никогда не выходил в сад.

«Слишком ленив, чтобы повернуть дверную ручку», — как-то сказал отец Ким.

Трэвис очень серьезно посмотрел на дядю Бенджамина, после чего взял велосипед и с головокружительной скоростью помчался вокруг дома. А когда послышался грохот, дядя Бен положил руку на плечо миссис Меррит, которая рвалась на помощь сыну.

С другой стороны дома снова раздался грохот, после чего Трэвис наконец к ним вернулся. Еще более чумазый. Рубашка висела лохмотьями. На верхней губе кровь.